

Один из известных писателей шестидесятых годов прошлого века, автор замечательной лирической повести «До свидания, мальчики!»

Борис Исаакович Балтер родился в Самарканде 6 июля 1919 года.

В Среднюю Азию (Туркестан), уже входившую в состав России с конца XIX века (1885 г.), его семья переселилась из Киева вскоре после еврейского погрома 1912 года. Тогда семья была спасена от погромщиков будущим отцом писателя Исааком Балтером, героем русско-японской войны 1904-1905 годов, представившим собой весьма колоритную фигуру.

Вот каким предстает он под пером самого Бориса Балтера шестьдесят лет спустя в письме французскому профессору-филологу Гургу, который переводил его повесть на французский язык:

«Мой отец был замечательным человеком. Голубоглазый гигант с пшенично-го цвета усами. В русско-японскую войну он был артиллеристом, когда перебили

всю орудийную прислугу, он один повернул пушку и прямой наводкой расстрелял атакующих японцев. За мужество и отвагу отец был награждён солдатскими Георгиевскими крестами — высшая воинская награда в Русской армии. Она давала право еврею жить в любом городе России, приходиться на приём к высшим правительственным чиновникам вплоть до губернаторов и министров. Во время погрома в Киеве, в 1912 г., отец взял клячу водовоза-еврея и выехал навстречу погромщикам в мундире и при крестах, с палашом на бедре. Погромщики не посмели войти в дома и свернули в другую улицу, а казачьи офицеры отдавали отцу честь, но при этом, посмеиваясь, говорили казакам, «Лихой жид!» Отец спас от погрома маму и всю её многочисленную родню. В благодарность она вышла за него замуж, будучи моложе на тридцать лет».

Исаак Балтер умер в 1921 году, когда сыну едва исполнилось два года.

О своем самаркандском детстве Балтер оставил несколько страниц в автобиографической повести, которую начал незадолго до смерти, но так и не успел написать. Там он вспоминает себя «на белой от зноя улице Самарканда»: «От ворот нашего дома до угла Ургутской я шел в тени тутовника по тротуару, вымощенному кирпичом. Рядом шумно протекал арык. Можно было поболтать босыми ногами в холодной прозрачной воде. Переспелые ягоды часто срывались с деревьев и разбивались, оставляя на кирпичках мокрые пятна. На углу стоял дом председателя ЦИКа Узбекистана Ахун-Бабаева и караульная будка. Я знал всех постовых милиционеров, и, прежде чем покинуть благодатную тень, можно было постоять возле будки. Через дорогу начиналась открытая солнцу улица и справа от нее — городской парк. На пологих склонах росли пирамидальные тополя, чинары, карагачи. Ядовито-зеленую на солнце траву прорезали белые дорожки, посыпанные песком. Тени деревьев лежали на земле черными пятнами. На холме вокруг летнего кинотеатра без крыши росли акации. Таких огромных акаций я больше никогда не видел. По вечерам, когда над кинотеатром поднималось рассеянное сияние, мальчишки прятались в густой листве и снизу были похожи на вороньи гнезда. Бороться с безбилетными зрителями было бесполезно...».

Мать писателя участвовала в революционной деятельности, а после прихода к власти большевиков стала активной общественницей, что не оставляло ей достаточно времени для воспитания сына. Поэтому ранние детские годы Бориса Балтера прошли под опекой деда Соломона Вогмана, еврейского теолога и математика. Дед в будущем видел внука раввином самаркандской еврейской общины, но жизнь распорядилась иначе...

В Евпатории, южном городе на крымском берегу Черного моря, ставшем впоследствии местом действия замечательной повести «До свидания, мальчики!» Борис с матерью и двумя старшими сестрами Бинеттой и Изабеллой поселились в 1933 году.

В письме к своему американскому корреспонденту в конце шестидесятых годов Балтер вспоминал: «Когда 13-ти лет я с мамой и двумя старшими

*Борис Балтер с матерью Софьей Соломоновной,
1927 год, Железноводск*

из уст в уста сообщения: открылись «Майнаки», открылся «Дюльбер», открылась «Клара Цеткин»... Эти санатории всегда открывались первыми. На Приморском бульваре появлялись первые отдыхающие. Улицы города с каждым днем становились многолюдней. Приезжим сдавали лучшие комнаты. Они становились полновластными хозяевами города. Город менял свое лицо, делался шумным, нарядным, веселым. Открывались магазины, павильоны, рестораны.

В курзале выступали столичные знаменитости. Они появлялись ослепительно-яркие, будоражили всех и исчезали. В учреждениях города висели лозунги, которые призывали создавать все условия для здорового отдыха трудящихся. И эти условия создавались».

Балтер учился в старших классах евпаторийской средней школы №2, бывшей до 1917 года городской гимназией.

В 1996 году автору этих строк довелось в качестве двоюродного брата писателя участвовать в праздновании 120-летия этого старейшего учебного заведения города, которое носит имя известного советского поэта Ильи Сельвинского, как и Балтер, учившегося здесь с 1915 по 1919 год.

сестрами переехал в Евпаторию (Крым) и увидел впервые море, ко-сой стеной уходящее к горизонту, — я обалдел, потому что никогда до этого не видел такого невообразимо огромного количества воды. Море на всю жизнь поразило мое воображение».

Это потрясение от моря ощущается и в его главной повести, и в написанной позднее повести «Проездом» (1966), где главный герой — капитан рыболовецкого сейнера, и в рассказе «Открытие» (1965), действие которого происходит в портовом ресторанчике.

Облик Евпатории запечатлен на первых страницах повести:

«В мае цвела акация. Она цвела долго, осыпая город белыми лепестками. Цветение акаций совпало с началом курортного сезона. Как важные события передавались

Живы были еще одноклассники Бориса Балтера — человек восемь-девять собрались для «неформального общения» в классе, где они сидели за партами шестьдесят с лишним лет назад.

Они вспоминали, как виделись и общались с Борисом в середине шестидесятых годов, когда в Евпатории замечательным кинорежиссером Михаилом Каликом снимался фильм по повести «До свидания, мальчики!»

Одноклассники Балтера не были литераторами и потому не оставили своих записок о нем. Но помнили, как он сказал однажды где-то на берегу моря: «А знаете, я когда-нибудь опишу все, как мы с вами здесь живем». Значит, уже тогда возникали у него мысли о писательстве, о литературном творчестве! Однако впереди было военное училище, а затем война...

Борис Балтер принадлежал к поколению, которое шагнуло во Вторую мировую войну чуть ли не со школьной парты.

В 1936 году после окончания школы Балтер поступил в Ленинградское Краснознаменное училище им. Склянского, которое окончил в конце 1939-го. А в январе 1940-го он уже командовал ротой на Финском фронте.

«На той войне незначительной», как назвал войну с Финляндией Александр Твардовский в известном стихотворении «Две строчки», двадцатилетний Балтер был ранен, обморожен, контужен в голову. Но в отличие от того «бойца-парнишки», чья смерть так врезалась в память Твардовскому, он остался жив.

Кое-что о финской войне находим в балтеровской повести: «Через три года я уже пил. Но не коньяк, а простую водку. Я начал пить ее на финском фронте. По приказу полагалось пить по сто граммов. Но в приказе не было сказано, сколько раз пить. Ротные строевые записки подавались накануне, а на другой день многих из тех, кто жил вчера, сегодня уже не было, и мы пили их сто граммов»...

Но, проведя почти три месяца в госпитале, Балтер продолжил военное образование и в июне 1941-го в первые же дни вступления Советского Союза во Вторую мировую войну ушел на фронт командиром роты отдельного артиллерийско-пулеметного батальона.

В предисловии к однотомнику писателя, вышедшему в Москве в 1991 году, через 17 лет после его смерти, критик Евгений Сидоров писал:

«Борис Исаакович Балтер вступил в партию в феврале 1942 года под Новоржевом, когда 357-я стрелковая дивизия попала в окружение. В той обстановке самой большой опасности подвергались коммунисты, войсковые разведчики и евреи. Балтер был начальником разведки дивизии и евреем. Тяжело раненный, он стал коммунистом в возрасте 22 двух лет. Дивизия с боями вышла из окружения».

Победу Балтер встретил начальником штаба учебно-стрелкового полка, куда его откомандировали в результате тяжелых боевых ранений.

Борис Балтер, 1943 год

В июне 1945 года майор Балтер становится слушателем Академии им. Фрунзе, высшего военного учебного заведения страны. Перед бывшим фронтовиком открывалась возможность блестящей военной карьеры. Но в сентябре следующего года его отчисляют из академии и из армии «по состоянию здоровья».

Балтер никогда не высказывался по поводу причин увольнения, но можно предположить, что поводом к этому накануне развернувшейся по всей стране антисемитской кампании «по борьбе с космополитизмом» стало его еврейское происхождение.

Растерянность и горькие ощущения тех дней отражены в рассказе «Открытие» (1964), герой которого предается грустному размышлению:

«Незадолго до войны меня убедили, что я нужен армии и должен избрать военную профессию пожизненно. Она бы и была пожизненной. Но на войне меня не убили. А после войны офицеров осталось больше, чем нужно было армии в мирное время. Мне предложили выбрать новую пожизненную профессию по моему усмотрению. С точки зрения отдельной личности со мной поступили несправедливо. Но что значит отдельная личность по сравнению с интересами государства?»

Подобно герою рассказа «Открытие» Балтер решает трудный для себя вопрос выбора дальнейшего жизненного пути. Тут он, видимо, вспоминает свои юношеские подспудные мечтания о писательской стезе, и выбирает литературу, творчество. Он пишет о том, что оставило жгучий отпечаток в памяти, — о недавней войне. Так появляется первоначальный, далекий еще от совершенства вариант повести «Первые дни», который тем не менее понравился К.Г. Паустовскому, взявшему отставного великовозрастного военного в свой семинар. В сентябре 1947 года Балтер уже студент Литературного института.

В семинаре Паустовского, кроме него, состояли Юрий Трифонов, Владимир Тендряков, Григорий Бакланов, Юрий Бондарев, Анатолий Злобин, Лев Кривенко, Борис Бедный, Инна Гофф, Макс Бременер, Михаил Коршунов, Иосиф Дик. На одном курсе с ним учился Константин Ваншенкин, курсом старше были Евгений Винокуров, Григорий Поженян, Владимир Солоухин, Бенедикт Сарнов, еще на курс старше были Владлен Бахнов и арестованный в том же 1947-м Наум

Мандель (в будущем — Наум Коржавин), который, наряду с Бенедиктом Сарновым, станет впоследствии ближайшим другом Балтера...

С Константином Паустовским Балтера на всю оставшуюся жизнь связали дружеские отношения.

Был период, когда Балтер подолгу жил в Тарусе, постоянно общаясь со своим литературным наставником. Правда это были уже отношения не только учителя и ученика, в житейском плане Балтер иногда позволял себе даже поучать, а иногда и выручать семью Паустовских.

Характер этих отношений ощутим в одном из воспоминаний Лазаря Лазарева о посещении Паустовского в Тарусе вместе с Балтером:

«Стояли волшебные сентябрьские дни. И у Константина Георгиевича возникла мысль вместе поехать по Оке, там поговорим, а он рыбу половит. Он тут же начал собирать удочки. Увы, выяснилось, что ни одна из лодок — у него их было две — к путешествию не готова, барахлили моторы. Пришлось отправиться на рейсовом речном трамвае. В дороге Константин Георгиевич, посмеиваясь, рассказывал — это сразу превращалось в новеллу: «А в прошлом году, когда здесь жил Борис, все было в полном порядке. Деньги плачу те же, что и прежде, но что я для них? А при Борисе механики по струнке ходили, все работало, как часы, — видно угадывали в нем командира полка. Нет, не распекал, не ругался, даже голоса не повышал, если что не так. Только глянет и спросит: «Твоя как фамилия?» И они чувствовали, что у него есть право наводить порядок, понимали, с кем имеют дело»...

Главное произведение писателя повесть «До свидания, мальчики!» успела выйти в относительно благоприятный момент хрущёвской оттепели — ее первая часть была опубликована в ставшем со временем легендарном альманахе «Тарусские страницы», а полностью она увидела свет в 1963 году, в издательстве «Советский писатель». В 1965-м ее еще успели переиздать — там же. Но времена уже круто менялись: в октябре 1964 года был смещен с поста Первого секретаря ЦК КПСС инициатор оттепели Никита Хрущёв, 29 марта — 8 апреля 1966 года прошёл XXIII съезд КПСС, вернувший в Устав партии сталинские названия (Политбюро и Генсек), в том же году в Москве открылся политический судебный процесс над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, в августе 1968-го советские танки вошли в Прагу.

Синявский и Даниэль были осуждены за то, что под псевдонимами (Абрам Терц и Николай Аржак) публиковали на Западе свои произведения, критически изображавшие советскую действительность. В их защиту писались коллективные письма, Константин Паустовский требовал слова на суде, Александр Гинзбург составлял документальный сборник материалов о процессе — «Белую книгу». Это первое выступление общественности не повлекло за собой со стороны властей персональных репрессий.

Булат Окуджава, Ольга Арцимович-Окуджава, Борис Балтер, Галина Радченко-Балтер, семидесятые годы, дом творчества писателей в Ялте

А в 1967 году был устроен новый процесс («процесс четырех») теперь уже над Александром Гинзбургом — за составление и распространение в самиздате этой самой «Белой книги», а также над Юрием Галансковым и его сотрудниками Алексеем Добровольским и Верой Лашковой за составление и распространение в самиздате общественно-политического альманаха «Феникс—66». Всех четырех обвинили в антисоветской деятельности, в связях с эмигрантской организацией НТС и, конечно, осудили.

Наиболее чуткая к происходящим политическим переменам часть писательского сообщества вновь протестовала, в частности, составлялись коллективные письма в защиту обвиняемых. Одно из таких писем вместе со своими друзьями и еще с десятками демократически настроенных писателей подписал Борис Балтер. В письме высказывался протест против нарушения принципов социалистической демократии (такие парадоксальные термины существовали в то время!). Тем не менее на этот раз общественный протест был более осозанным и твердым, чем во время суда над Синявским и Даниэлем. И власти поняли это, репрессивные ответные меры не заставили себя ждать. Была даже угроза высылки всех подписантов коллективного письма из Москвы. На эту угрозу, якобы исходившую от самого Брежнева (верховного властителя страны в те годы), откликнулся Булат Окуджава известной песней, получившей впоследствии название «Старинной студенческой»:

*Пока безумный наш султан
Сулит нам дальнюю дорогу,
Возьмемся за руки друзья...*

Все подписанты были подвергнуты публичному шельмованию, а члены партии, не пожелавшие покаяться и не выдавшие организаторов сбора подписей, исключены из партии со всеми вытекающими из этого последствиями.

Персональное дело Бориса Балтера в мае 1968 года разбиралось на партийном собрании журнала «Юность», где как автор журнала он состоял на партийном учете. Балтер ни в чем не собирался каяться, о чем и сказал в своем выступлении. Большинство присутствующих, определенным образом расположенных к «обвиняемому», уговаривали Балтера «покаяться» и, несмотря на его отказ, пойти им на встречу, отказались даже поставить вопрос о его исключении из партии. Ему был объявлен строгий выговор. Однако такой «либерализм» писательской партийной ячейки не мог устроить вышестоящую партийную инстанцию. На бюро Фрунзенского райкома, где 20 июня 1968 года продолжилось обсуждение его персонального дела, Балтера исключили из партии.

«Судьёй между нами может быть только время» — эту фразу произнес Борис Балтер, обращаясь к партийному функционеру.

Ни военные заслуги, ни сам факт вступления Балтера в партию на фронте в 1942 году, когда его полк попал в окружение, ни его писательская известность не были приняты во внимание.

Конечно, время рассудило тот спор в пользу Балтера, но, как это часто случается в России, он до этого не дожил: умер в возрасте 55 лет от четвертого инфаркта, смерть была мгновенной.

Вот уже давно нет Советского Союза и нет КПСС, из которой Бориса Балтера когда-то исключали, а имя его и написанная им замечательная повесть живы в памяти людей — не только его современников, но и новых поколений читателей.

Я помню Бориса Балтера с детства. Впервые увидел его, когда мне было лет девять-десять. К моему отцу, художнику-живописцу, единственному из родственников человеку творческой профессии, Борис, будучи студентом Литинститута, приезжал, чтобы поговорить об искусстве, о литературе, почитать что-то из вновь написанного. Приступая к чтению, он демократично приглашал послушать и маму, и даже меня, и потом у всех троих по очереди спрашивал, понравилось ли то, что он прочел.

Подробно мои взаимоотношения с Борисом описаны в моём довольно обширном посвященном ему воспоминании «У Балтера в Малеевке», которое входит в издаваемую мною в этом году к его юбилею книгу «Борис Балтер. К столетию со дня рождения».

Из-за двадцатилетней разницы в возрасте наше полноценное общение началось поздно. Постоянным оно сделалось лишь года с 1969-го, когда в Рузском районе Подмосковья Борис вместе со своей второй женой Галиной Радченко начал строить загородный дом. Я приезжал к нему в новый дом со своими стихами,

Переводчик французской поэзии Михаил Кудимов с женой, Борис Балтер с женой и королевский пудель Атос в доме Балтера, деревня Вертошино Рузского района Подмосковья

да. Имелся в Малеевке и телефон-автомат, что тоже весьма было удобно в нетелефонизированном в те годы Подмосковье.

В Малеевке часто отдыхали друзья и хорошие знакомые Бориса и Гали. Дом Балтера стал своего рода литературным салоном, где велись откровенные разговоры не только на литературные, но и на злободневные политические темы. Здесь звучали под гитару в авторском исполнении песни Окуджавы и Галича, а также цыганские романсы в исполнении писателя и гитариста Ром-Лебедева. Здесь вслух читали стихи и прозу приехавшие из Москвы собратья по перу, а обитатели дома и приезжие зачитывались распространяемыми в самиздате сочинениями Солженицына, Владимова, Максимова, Войновича. Двое последних и сами бывали в этом доме. Здесь можно было встретить художника Бориса Биргера, театроведов Марианну Строеву и Виталия Виленкина, поэтов Семена Липкина, Инну Лиснянскую, Олега Чухонцева, Бориса Заходера, Марка Лисянского, Николая Панченко, критиков Лазаря Лазарева, Бенедикта Сарнова, Станислава Рассадина, Анатолия Бочарова.

и он являлся моим единственным наставником в этом деле. Я работал инженером в конструкторском бюро и никакого другого литературного общения не имел.

С появлением загородного дома Балтер бывал в Москве только по делам и по болезни. Болезнь сердца всё сильнее давала о себе знать, после второго инфаркта, произошедшего в 1968 году.

Неподалеку, через овраг, находился писательский дом отдыха Малеевка, претенциозно именуемый в официальных документах «Домом творчества писателей»! В нем был врач и медицинское оборудование, и, значит, в случае необходимости можно было рассчитывать на медицинскую помощь, что очень кстати для сердечника, проживающего вдали от города.

Сам Балтер писал очень мало, компенсируя творческий простой неотложными хозяйственными заботами. Занимался переводами произведений писателей из среднеазиатских национальных республик. Лишь в последний год у Балтера началась работа над собственным произведением: была задумана автобиографическая повесть «Самарканд» о детстве, первые главы которой успели лечь на бумагу. Эти страницы написаны той же рукой и с тем же вдохновением, что и «До свидания, мальчики!».

Свой последний творческий замысел Борис Балтер завершить не успел: 8 июня 1974 года, менее чем за месяц до 55-летия, очередной сердечный приступ оборвал его жизнь. Живший в это время в Малеевке Булат Окуджава откликнулся на его смерть стихами:

*Не все ль равно, что нас сведет в могилу — пуля иль простуда.
Там, видно, очень хорошо: ведь нет дурных вестей оттуда.*

*Я жалоб не слыхал от них, никто не пожелал вернуться.
Они молчат, они в пути. А плачут те, что остаются.*

*Они молчат, Бог весть о чем. Иные берега пред ними.
Уж нету разницы для них между своими и чужими.*

*К великой тайне приобщась, они уходят постепенно
Под горький марш, под польский марш, под вечный марш,
под марш Шопена.*

Под стихами пометка: «9 июня 1974 г. Умер Боря Балтер». Окуджава поставил дату спустя какое-то время после смерти друга и ошибся на один день.